

Религиоведение. 2020. № 2. С. 5–14.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 2. P. 5–14.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.2.5-14

Насонов А.А.

*Кемеровский государственный институт культуры
650056, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17
nas.kemgik@gmail.com*

Распространение буддизма как религиозный фронтир (на примере юга Западной Сибири в дореволюционный период)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности внедрения буддийского вероучения с монгольских территорий Цинской империи в этнокультурную среду коренного населения юга Западной Сибири. Цель статьи – выявление специфики распространения буддизма на юге Западной Сибири в дореволюционный период в контексте теории фронта. В работе представлен обзор современных российских исследований по фронтальной проблематике, освещена научная дискуссия по вопросу корректности применения данной теории для изучения процессов присоединения и освоения азиатской части Российского государства. Особое внимание уделено автором определению фронтальных черт религиозных явлений, синхронизации внутрироссийских и центральноазиатских процессов при изучении распространения буддизма (по материалам бурханистского движения на Алтае начала XX в.). Методология исследования опирается на макро- и микроисторические подходы, применение историко-сравнительного и структурно-функционального методов для выявления особенностей формирования региональных вариаций буддизма в Южной Сибири. Автором характеризуется явления квазиграничности и отличающееся восприятие различными этнотерриториальными группами населения близко расположенной границы: для коренного населения это обстоятельство означало возможность сохранения контактов с духовными центрами Центральной Азии, для переселенцев – олицетворяло перманентную угрозу. Автор указывает, что лояльное отношение буддизма к религиозным синкретическим формам стало конкурентным преимуществом по сравнению с православием. В результате автор приходит к выводу о необходимости сочетания положений теории фронта с другими теоретическими моделями в связи с тем, что применение инструментария фронтальных исследований позволяет выявить основные формы распространения буддизма, но для содержательной характеристики межконфессионального взаимодействия требуется привлечение, например, аккультурационного подхода.

Ключевые слова: буддизм, православие, религиозный фронтир, механизм распространения религии, межконфессиональное взаимодействие, аккультурация, религиозный синкретизм, юг Западной Сибири

Alexander A. Nasonov

*Kemerovo State Institute of Culture
17 Voroshilova str., Kemerovo, Russia, 650056
nas.kemgik@gmail.com*

Buddhism Spread as a Religious Frontier (on the Example of the South of Western Siberia in the Pre-Revolutionary Period)

Abstract. The article discusses the features of the introduction of Buddhist dogma from the Mongol territories of the Qing Empire into the ethno-cultural environment of the indigenous population of the south of Western Siberia. The purpose of the article is to identify the specifics of the spread of Buddhism in the south of Western Siberia in the pre-revolutionary period in the context of frontier theory. The paper presents an overview of contemporary Russian studies on frontier issues, highlights a scientific discussion on the correct application of this theory to study the processes of entrance and development of the Asian part of the Russian state. The author focuses on the definition of frontier features of religious phenomena, the synchronization of internal Russian and Central Asian processes in studying the spread of Buddhism (based on materials from the Burkhanist movement in Altai at the beginning of the 20th century). The research methodology is based on macro- and microhistorical approaches, the use of historical-comparative and structural-functional methods to identify the features of the formation of regional variations of Buddhism in South Siberia. The author characterizes the phenomena of quasi-border and the different perceptions by various ethnic and

territorial groups of the population of a closely located border: for the indigenous population this fact meant the possibility of maintaining contacts with the spiritual centers of Central Asia, for settlers it represented a permanent threat. The author indicates that the loyal attitude of Buddhism towards religious syncretic forms has become a competitive advantage over Orthodoxy. As a result, the author comes to the conclusion that it is necessary to combine the principles of frontier theory with other theoretical models due to the fact that the use of frontier research tools allows us to identify the main forms of Buddhism spread, but for the meaningful characterization of interfaith interaction, it is necessary to use, for example, an acculturation approach.

Key words: Buddhism, Orthodoxy, religious frontier, religion spread mechanism, interfaith interaction, acculturation, religious syncretism, south of Western Siberia

Введение

Понимание специфики распространения направлений мировых религий опирается на выявление и характеристику различных аспектов исторического процесса, которые могут быть детально и адекватно раскрыты с опорой на междисциплинарный подход. Рубеж XX–XXI вв. в российской исторической науке стал периодом поиска новых концептуальных подходов. После отказа от идеологических ограничений советского времени отечественными исследователями стали востребованы зарубежные разработки. Одной из наиболее популярных стала теория фронта. Поскольку её основные положения предполагали осмысление процесса перманентного расширения государственных пределов через анализ деятельности различных акторов, а также изучение процессов возникновения зон с высокой степенью интенсивности взаимодействия и, следовательно, формирование новых общностей, были предприняты попытки применить теорию фронта для определения специфики освоения обширной территории Сибири.

Первоначально методологический потенциал теории фронта был использован для обоснования новых трактовок военного покорения, административного упорядочивания, социального и хозяйственно-экономического освоения сибирских земель. В меньшей степени он применялся для изучения культурных процессов, в том числе для характеристики особенностей распространения направлений мировых религий. Вместе с тем, привлечение различных концептуальных подходов к изучению конфессиональных процессов не менее важно для понимания специфики этнокультурного взаимодействия в Сибири в условиях присоединения новых территорий и постоянно трансформирующегося государственного курса.

Современная историографическая дискуссия

В конце XX – начале XXI в. было характерно теоретическое осмысление понятие «фронт» [Замятина, 1998], а также развитие сравнительно-исторических исследований, сопоставляющих особенности американского и сибирского фронтов [Резун, Шиловский, 2005]. Обилие разноплановых научных публикаций способствовало появлению историографических исследований по проблематике фронта [Мизис, Кащенко 2011; Соболева, Бобров, 2011; Иванова, 2016; Дронов, 2017].

На рубеже 2000–2010-х гг. интерес к рассматриваемому концептуальному подходу вновь стал возрастать. В контексте обсуждения характера присоединения территорий Сибири к Российскому государству продолжился поиск соотношения понятий «фронт», «освоение», «колонизация». А.В. Иванов обратил внимание на то, что с одной стороны «вся история евразийских народов – это непрерывная военная оборона своей земли от внешних врагов-супостатов», с другой стороны – ей присуще стремление к постоянному освоению обширных пространств, покорению новых рубежей, то есть развитие на основе регулярного взаимодействия [Иванов, 2009, 103–104]. По мнению А.С. Хромых, принципиальное отличие фронта от колонизации заключается в формировании новых сообществ через синтез материальной и духовной культуры переселенцев и коренного населения [Хромых, 2012, 56]. И.П. Басалаевой на основе обобщения предшествующих теоретических изысканий и конкретно-исторических исследований был сформирован универсальный набор критериев фронта [Басалаева, 2012]. С точки зрения А.П. Забияко, наряду с дефиницией «фронт» можно использовать понятие «порубежье», обладающее более глубоким смыслом, являющееся не только пространственной, но и темпоральной категорией, что позволяет более точно охарактеризовать русскую ментальность

[Забияко, 2016, 32]. Представителями уральской исторической школы было предложено сочетание фронтирной модели с теорией административной и социально-экономической модернизации [Алексеев, 2017; Побережников, 2018]. С.Н. Якушенков акцентировал внимание на формировании нового направления в рамках рассматриваемой проблематики – приграничных исследований, особенностью которых является учёт сохранения воздействия внешних центров (сопредельных субъектов международных отношений) на вовлечённые в орбиту фронтирного влияния территории [Якушенков, 2018, 130–131].

Вместе с тем, на страницах научной периодики развернулась дискуссия о корректности использования теории фронта применительно к становлению и развитию имперской территориальной организации России. Так, по мнению К.А. Бостан, А.М. Кузнецова, применение теории фронта для российской действительности некорректно в связи с наличием «глубоких различий сущностного порядка» по сравнению с американским материалом, на основе которого была обоснована данная теория. По мнению исследователей, ключевое отличие заключалось в том, что в России освоение Сибири и Дальнего Востока осуществлялось при активном участии государства, в отличие от США, где инициатива исходила от поселенцев [Бостан, Кузнецов, 2018, 77–78]. С точки зрения К.И. Зубкова, специфика русской колонизации в связи с её «более сложным и гетерогенным характером» не может быть раскрыта при помощи теории фронта, интерес именно к этой концепции объясняется поиском российским исследовательским сообществом более адекватных исторической действительности подходов [Зубков, 2018, 69–70].

Одной из тенденций настоящего времени является стремление исследователей адаптировать теорию фронта для изучения проблематики истории этносоциальных и социокультурных процессов [Зберовская, 2013; Панарина, 2015], также распространение получили сравнительно-исторические исследования, сопоставляющие специфику фронтов европейских и азиатских окраинных районов России [Baeva, 2015].

В целом можно констатировать, что одна часть исследователей, опираясь на классические положения теории фронта, оценивает её использование для анализа внутрироссийских процессов как непродуктивное с точки зрения их особой специфики, другая часть научного сообщества, учитывая совокупность изменений и наработок в теории, накопившихся к началу XXI в., обращает внимание на возможность её адаптации для понимания региональных тенденций или сочетания с другими концептуальными подходами.

В свою очередь в области изучения проблематики распространения буддизма на юге Западной Сибири существует два подхода: первый из них определяет буддийское влияние как один из факторов развития конфессиональных процессов, уделяя особое внимание внутренним этническим тенденциям [Тадина, 2011, 128; Шерстова, 2013, 248–250], второй – рассматривает религиозную ситуацию в регионе в дореволюционный период в контексте общих закономерностей внедрения буддийского вероисповедания в этнокультурную среду различных народов Центральной Азии и Южной Сибири [Zmatenski, 2014; Насонов, 2016, 283–285]. Научные построения теории фронта представляют интерес с точки зрения второго подхода.

Цель статьи – выявление специфики распространения буддизма на юге Западной Сибири в дореволюционный период в контексте теории фронта.

Методология исследования

Проблематика распространения буддизма имеет сложный, многофакторный характер. Для отражения различных аспектов и синхронизации внутрироссийских и зарубежных процессов наиболее продуктивным является анализ событий и тенденций с позиции макро- и микроисторического подходов. В первом случае в поле зрения попадает новый этап трансграничного распространения буддизма на северной периферии Центральной Азии, тенденция к этнополитической консолидации монгольского мира для достижения независимости от Цинской империи. С этой глобальной ситуацией коррелирует реакция представителей коренного населения юга Западной Сибири на внутрироссийские изменения в административных и поземельных отношениях, частью которой стала активизация контактов

с буддийскими адептами, синкретическое восприятие проповедуемых ими идей и специфическая интерпретация христианских постулатов. Наибольшим потенциалом для изучения этих процессов обладают историко-сравнительный метод, позволяющий сопоставить особенности распространения буддизма на Алтае и сопредельных территориях со спецификой юга Восточной Сибири, а также структурно-функциональный метод, дающий возможность охарактеризовать роль элементов механизма распространения этого вероучения в контексте теории фронта.

Распространение религии как фронт

Трактовка основного понятия теории фронта дефиниции «граница» с позиции исторического анализа религиозных процессов сосредотачивает внимание исследователей на целом ряде специфических характеристик. Так, определение границы в военно-административном, хозяйственном плане более конкретно, несмотря на регулярное изменение этого рубежа. С точки зрения религиозных процессов граница более размыта и изменчива, значительно более трудно фиксируема. Если пределы военного доминирования и административного контроля по общим параметрам можно обозначить, даже не имея обустроенной государственной пограничной линии, то масштабы устойчивого религиозного влияния сложно однозначно локализовать. В первом случае речь идёт о фиксации границы и понимании процессов на прилегающих территориях, а во втором – об определении зоны присутствия через выявление результатов духовного воздействия на сознание конкретной социальной общности. В этой связи процессы, основной характеристикой которых является местонахождение институциональной основы религии (духовенства и его иерархической организации) вне пределов территории распространения, могут быть определены в качестве фронтальных. Для них типичной является ситуация нелегальной деятельности адептов, осуществление воздействия через скрытые, опосредованные формы: апелляция к мифологии, обращение к легендарно-исторической памяти, игру на различном рода социальном-политических и хозяйственных противоречиях, лояльное отношение к религиозно-синкретическим образованиям. Как представляется, указанные фронтальные характеристики могут быть раскрыты с опорой на такое понятие, как «механизм распространения религии». Оно подразумевает совокупность типичных для вероучения способов внедрения и укоренения в этнокультурной среде (включая специфику взаимодействия с автохтонными верованиями), их тактическую адаптацию к конкретно-историческим условиям.

Центральноазиатские трансграничные этноконфессиональные процессы и распространение буддизма в Южной Сибири

Особую важность для изучения этноконфессиональных процессов юга Западной Сибири имеет учёт специфики устойчивых трансграничных связей. Распространение северного буддизма и православия в XVIII – начале XX в. в Сибири тесно связано со становлением и развитием с одной стороны Российской империи, которая в этот период осваивала южные приграничные территории, с другой стороны – с завершением маньчжурских завоеваний, оформлением цинской системы управления окраинами в XVIII в. Северная периферия буддийского мира оказалась административно подчинена новой китайской династии, но в связи с особенностями заключительного этапа территориальных захватов её часть попала в орбиту влияния России. Интересно, что освоение и интеграция в общеимперское пространство этих территорий как с российской, так и китайской стороны растянулись на длительный период и к началу XX в. не завершились. Поскольку в силу обширности географического пространства и удалённости от имперского центра вопрос о детализации границы не был решён до второй половины XIX в., этнокультурные связи монгольских народов сохранились, не имея препятствий. Однако динамика распространения северного буддизма в Центральной Азии, имевшая высокие темпы накануне вторжения маньчжуров в XVI–XVII вв., значительно снизилась вследствие подчинения северных и южных, а также уничтожения западных монгольских государственных образований (Джунгарского ханства) в первой половине XVIII в. К этому моменту духовное воздействие на бурятское население прибайкальских и забайкальских территорий привело к укоренению буддизма. В итоге в восточной части Сибири, где успел оформиться самостоятельный центр, буддийская духовная организация развивалась

достаточно поступательно, но в западной части только начавшийся процесс был приостановлен. В результате распространение буддизма на юге Восточной Сибири имело линейный характер, а местная буддийская иерархия при поддержке российских властей противопоставляла себя монгольским духовным институтам [Цыремпилов, 2010, 10–13]. На юге Западной Сибири эта экспансия напрямую зависела от способности Цинской империи сохранять контроль над северными окраинами.

На рубеже XIX–XX вв. с ослаблением китайского влияния на монгольских территориях началась новая волна распространения северного буддизма в рассматриваемом регионе. Сопоставление внутрироссийских событий и этнополитических тенденций на сопредельных монгольских территориях Цинской империи демонстрирует корреляцию конфессиональных процессов. В частности, всплеск активности буддийских проповедников на юге Западной Сибири совпал с ростом самостоятельности ламаистского духовенства во Внешней Монголии. По обе стороны центральноазиатской границы Российской и Цинской империй высоким спросом стали пользоваться мессианские идеи, имевшие социально-политическую подоплёку [Znamenski, 2014].

В условиях специфического изменения международной обстановки на сопредельных территориях и внутрироссийских процессов сформировалась ситуация квазиграничности. Реальное историческое выражение этого понятия, по мнению И.П. Басалаевой, предполагает наличие естественных пограничных рубежей, которые зонировуют пространство, где разворачиваются фронтальные процессы [Басалаева, 2012, 48]. На юге Западной Сибири такая ситуация присутствовала. Роль границы между российскими и китайскими национальными окраинами выполняли не военизированные пункты, а географические рубежи, характеризующиеся территориальной протяжённостью и труднодоступностью, разбросанностью и низкой плотностью населения, суровыми климатическими условиями. В этих обстоятельствах религиозная коммуникация как основа духовной экспансии не имела административных преград, затруднялась естественными препятствиями, но не пресекалась, завися от активности конфессиональных центров вне России.

Религиозная ситуация на юге Западной Сибири в ходе распространения буддизма

Особенностью юга Западной Сибири было наличие нескольких этнотерриториальных групп, характеризовавшихся конфессиональной неоднородностью. Заселение этой территории выходцами из европейской части России началось позднее по сравнению с более северными районами. Основным препятствием являлось разнообразие природно-климатических условий расселения. Длительно сохранялась опасность со стороны кочевых инородцев. К концу XVII в. обозначилось два пути заселения: вольный и по инициативе властей [Липинская, 1996, 11–17]. В результате к XIX в. сложились региональные этнотерриториальные группы переселенцев разных периодов: старожилов и представителей новых волн притока населения. Уклад данных групп базировался на оседлом образе жизни и на хозяйственной деятельности, в разной степени адаптированной к локальным условиям.

Представители этой части населения принадлежали преимущественно к последователям Русской православной церкви, однако в регионе присутствовало несколько очагов концентрации приверженцев староверия [Рябцева, 2013, 66–69]. Их возникновение стало следствием ссылки или самостоятельного бегства в отдалённые труднодоступные районы. По сообщениям служителей официальной церкви, присутствие старообрядцев и активность их предводителей, а также сохранение связей с европейскими «очагами раскола» дополнительно осложняло проповедническую работу [Записка священника, 1997, 283–284]. В этих условиях миссионеры не только должны были поддерживать приверженность православию переселенцев и организовывать регулярное отправление обрядов, но и не допускать «уход в раскол».

Коренное население было представлено этнотерриториальными группами, проживавшими на различных в ландшафтном отношении территориях: горной тайги, лесостепи и степи. Комплекс верований коренного населения характеризовался сложным переплетением разновременных пластов. Его основой являлись анимистические представления, имевшие как универсальные компоненты, так и локальные

особенности. Эти верования сочетались с шаманскими культурами. Вместе с тем, в комплексе верований присутствовали более поздние вкрапления. Одним из таких компонентов было буддийское влияние, которое предки части коренного населения испытывали до вхождения в состав Российского государства. Например, в ходе нахождения Горного Алтая в составе Джунгарского ханства до середины XVIII в.

Русской православной церковью коренное население воспринималось как потенциальная паства. Миссионерская деятельность в его отношении, получившая организационное оформление к началу 30-х гг. XIX в., предполагала сочетание укоренения христианского вероучения с изменениями способа хозяйствования. Основной консолидирующей силой как в религиозных, так и социально-бытовых вопросах стала Алтайская духовная миссия. По её инициативе распространение получила практика создания миссионерских поселений, в рамках которых не только предполагался постепенный переход к оседлому способу хозяйствования, но и создавались смешанные семьи, коренное население вовлекалось в религиозное просвещение [Записки, 2008, 18, 21–22, 70]. Длительный период времени сохранялась проблема поверхностного усвоения христианских постулатов и обрядов. Проповедническая деятельность затруднялась склонностью представителей коренного населения к религиозному синкретизму и вероисповедной конкуренцией со стороны северного буддизма.

Близко расположенная граница воспринималась различными группами населения юга Западной Сибири неодинаково. С точки зрения мировосприятия и осознания себя в географическом пространстве существенная разница присутствовала между представителями коренных этносов и славянскими переселенцами (в особенности новых волн). Д.С. Панарина акцентирует внимание на том, что для понимания фронтальных явлений важен учёт восприятия границы не только как физического рубежа, но и воображаемого предела [Панарина, 2015, 15–16]. Соглашаясь с исследователем, стоит заметить, что этот аспект особенно важен для характеристики религиозных процессов.

Ярким примером восприятия границы была ситуация, сложившаяся на территории Алтая в начале XX в. Переселенцы воспринимали близкое расположение границы с Цинской империей как потенциальную угрозу, а местные инородцы – как возможность поддерживать духовные и торговые контакты с центральноазиатскими соседями. Эти обстоятельства проявились в условиях русско-японской войны 1904–1905 гг. Подготовка коллективного моления алтайцев, сторонников бурханистского движения, в 1904 г. продемонстрировала нетипичную для коренного населения сплочённость и отказ от прежней общительности и доброжелательности в отношениях с переселенцами, а также сопровождалась бойкотом бытовых предметов русского происхождения. Будучи религиозным движением с ярко выраженным мессианским уклоном, вероучение и культовая практика бурханизма, с одной стороны, стали синкретической интерпретацией буддийских постулатов, с другой – являлось попыткой пассивного сопротивления в религиозной форме поземельным и административным изменениям на Алтае. Эти события получили от руководства Алтайской духовной миссии однозначную трактовку, заключающуюся в определении бурханистского движения как следствия укореняющихся прояпонских настроений в инородческой среде [ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688. Л. 5]. Крестьянами-переселенцами эти действия коренного населения были встречены чрезвычайно настороженно. Вследствие этого хождение имели безосновательные слухи. Так, в должностных донесениях содержались следующие сообщения: «...разнёсся слух о появлении большого кулака, который всех режет, о тридцатитысячном китайском войске, наступающем на Алтай», «...тревожное настроение в западной части Алтайских гор достигло высшего напряжения и среди русских крестьян, живущих вблизи калмыцких кочевий, создалась паника, причём многие вознамерились уйти с Алтая и покинуть свои дома и уголья» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688. Л. 181 об.]. Стоит обратить внимание на то, что эти слухи не только не получили подтверждения, но и были абсурдны с точки зрения реальной геополитической ситуации.

Преимуществом северного буддизма, позволявшим ему успешно конкурировать с православием при отсутствии институциональной основы на юге Западной

Сибирю, являлось лояльное отношение к формам религиозного синкретизма. Последние традиционно были широко распространены и востребованы религиозным сознанием коренного населения Сибири. Буддийскими адептами, руководствовавшимися устоявшейся практикой распространения вероучения в Центральной Азии, религиозный синкретизм допускался как первичный результат внедрения буддийских доктрин, постулатов о картине мира. Он воспринимался в качестве одного из результативных способов распространения. В этом смысле тактические проповеднические установки северного буддизма значительно отличались от установок православного духовенства, которым религиозный синкретизм признавался нежелательным явлением, результатом поверхностного восприятия христианских догм, неправильным пониманием сути обрядов неопитами. Шаманские практики считались менее сложными в плане искоренения, одним из миссионерских приёмов был убедительный аргумент – указание на то, что принесение в жертву животных – расточительство. Бурханизм же стал более серьёзным противником, поскольку в противопоставление шаманизму отказался в своей культовой деятельности от принесения жертв. Но и в том, и в другом случае православные священнослужители использовали одинаковые способы приобщения к христианским постулатам: регулярное посещение потенциальной паствы и неопитов, душеспасительные и обличительные беседы. Разница заключалась, главным образом, в необходимости изучения идейных основ нового учения и интенсивности поездок [ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 85. Л. 2–4]. Миссионеры Алтайской духовной миссии на рубеже 1900–1910-х гг. усматривали в бурханизме явные элементы буддийской обрядности, выражающиеся в календарном совпадении молений и в использовании монгольских культовых атрибутов [ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 42. Л. 39 об.]. Эти эпизоды нашли подтверждение в этнографических наблюдениях этнографа А.В. Анохина в 1915 г. [СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 80. Л. 21].

В связи с этой особенностью механизма распространения буддизма может рассматриваться в качестве гибкой, приспосабливающейся к конкретным обстоятельствам системой, предполагающей как явное проникновение и закрепление в культурной среде (например, в районах Прибайкалья и Забайкалья), так и формирование региональных синкретических вариаций (юг Западной Сибири).

Однако данный аспект распространения буддизма выходит за рамки фронтальных исследований и предполагает привлечение иных концептуальных подходов. Теория фронта позволяет сконцентрироваться на изучении основных форм и направлений распространения буддизма, в то время как содержательные характеристики межконфессионального взаимодействия при внедрении данного вероучения в этнокультурную среду конкретного региона требуют дополнительных исследовательских моделей. Среди них наиболее перспективным представляется аккультурационный подход.

Заключение

Таким образом, использование теории фронта в качестве концептуального подхода для изучения процесса распространения буддизма на юге Западной Сибири позволяет акцентировать внимание на ряде важных аспектов. Среди них соотношение трансграничных конфессиональных процессов. С этой точки зрения рассматриваемой территории в дореволюционный период происходит пересечение двух разнонаправленных в географическом пространстве религиозных фронтов: буддийского, разворачивающегося из Центральной Азии в северном направлении и затрагивающего коренное население Южной Сибири, а также православного, выступающего одним из основных способов государственного освоения восточных территорий. Теория фронта также даёт возможность охарактеризовать феномен квазиграничности, определив различия в восприятии переселенцами и коренным населением приграничного положения территории взаимодействия. Вместе с тем, содержательные аспекты внедрения буддизма в этнокультурную среду региона и результаты межконфессионального взаимодействия могут быть детально изучены, как представляется, только при комбинировании теории фронта с другими концептуальными подходами (например, аккультурационным).

Список сокращений

ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАТО – Государственный архив Томской области
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

Библиографический список

1. Алексеев, В.В. Фронтальная модернизация в имперской России / В.В. Алексеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 6–13.
2. Басалаева, И.П. Критерии фронта: к постановке проблемы / И.П. Басалаева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 46–49.
3. Бостан, К.А. Идея «фронта»: выгодное приобретение или опасный «фантом»? / К.А. Бостан, А.М. Кузнецов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 1. – С. 73–84.
4. Государственный архив Алтайского края. Ф. 164. Оп. 1. Д. 85, Оп. 2. Д. 42.
5. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.
6. Дронов, А.М. Междисциплинарная практика изучения границ и пограничий / А.М. Дронов // Историческая экспертиза. – 2017. – № 3. – С. 128–143.
7. Забияко, А.П. Порубежье как данность человеческого бытия / А.П. Забияко // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 26–36.
8. Замятина, Н.Ю. Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах / Н.Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 75–88.
9. Записка священника Иоанна Смирнова об истории старообрядчества на Алтае // Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX вв.). – Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1997. – С. 281–286.
10. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / Сост. И. Кропачев. – Новосибирск: Сретение, 2008. – 372 с.
11. Зберовская, Е.Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта / Е.Л. Зберовская // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 12. – С. 280–285.
12. Зубков, К.И. Фронт как исследовательская парадигма / К.И. Зубков // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4 (61). – С. 61–71.
13. Иванов, А.В. «Бытие-на-границе» как геополитическая и культурная константа Евразии / А.В. Иванов // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 3 (15). – С. 102–108.
14. Иванова, Л.М. Сибирский фронт: изучение вопроса в отечественной исторической науке / Л.М. Иванова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 410. – С. 72–76.
15. Липинская, В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. / В.А. Липинская. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
16. Мизис, Ю.А. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии / Ю.А. Мизис, С.Г. Кашенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2011. – № 1. – С. 9–16.
17. Насонов, А.А. Аккультурация в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (XVIII – начало XIX века) / А.А. Насонов // Научный диалог. – 2016. – № 12 (60). – С. 278–289.
18. Панарина, Д.С. Граница и фронт как фактор развития региона и/или страны / Д.С. Панарина // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 15–41.
19. Побережников, И.В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4 (61). – С. 72–80.
20. Резун, Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шилковский. – Новосибирск: Сова, 2005. – 196 с.
21. Рябцева, В.А. Миграционные потоки старообрядцев в Западную Сибирь / В.А. Рябцева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 24. – С. 63–70.
22. Соболева, Т.Н. Современная российская историография концепции фронта / Т.Н. Соболева, Д.С. Бобров // Известия Алтайского государственного университета. Серия. История, политология. – 2011. – № 4–1. – С. 189–193.

23. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 148. Оп. 1. Д. 80.
24. Тадина, Н.А. Бурханизм и этикет у алтайцев / Н.А. Тадина // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 127–140.
25. Хромых, А.С. Сибирский фронт. Встреча цивилизаций от Урала до Енисея (последняя треть XVI – первая четверть XVII в.) / А.С. Хромых. – Красноярск: ИПК КГПУ, 2012. – 312 с.
26. Цыремпилов, Н.В. «Чужие» ламы. Российская политика в отношении заграничного буддийского духовенства в XVIII – начале XX в. / Н.В. Цыремпилов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2010. – № 4. – С. 9–18.
27. Шерстова, Л.И. Бурханизм и проблема новых идентичностей народов Горного Алтая / Л.И. Шерстова // Мироззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2013. – № 6. – С. 243–250.
28. Якушенков, С.Н. Внутренний фронт как фактор международных отношений / С.Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 3 (56). – С. 125–133.
29. Baeva, L.V. South-Russian and Siberian Frontier: Analogies and Specific Character / L.V. Baeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8. – Issue 5. – P. 994–1002.
30. Znamenski, A. Power for the Powerless: Oirot / Amursana Prophecy in Altai and Western Mongolia, 1890s–1920s [Электронный ресурс] / А. Znamenski // Etudes mongoles et siberiennes, centrisatiqques et tibetaines. – 2014. – Vol. 45. – URL: <https://journals.openedition.org/emscat/2444> (дата обращения 20.11.2019).

Текст поступил в редакцию 30.11.2019.

Принят к публикации 20.01.2020.

Опубликован 30.06.2020.

References

1. Alekseev V.V. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of South State University. Social Sciences and the Humanities]. Chelyabinsk, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 6–13 (in Russian).
2. Basalaeva I.P. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. Krasnodar, 2012, no. 2, pp. 46–49 (in Russian).
3. Bostan K.A., Kuznetsov A.M. *Oikumena. Regionalnye issledovaniia* [Oikumena. Regional Researches]. Nakhodka, 2018, no. 1, pp. 73–84 (in Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Altaj'skogo kraja* [State Archive of the Altai Region]. Fund 164. Inventory 1. File 85, Inventory 2. File 42 (in Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti* [State Archive of the Tomsk Region]. Fund 3. Inventory 12. File 688 (in Russian).
6. Dronov A.M. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise]. Moscow, 2017, no. 3, pp. 128–143 (in Russian).
7. Zabiyako A.P. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Moscow, 2016, no. 11, pp. 26–36 (in Russian).
8. Zamiatina N.Iu. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. Moscow, 1998, no. 5, pp. 75–88 (in Russian).
9. *Dokumenty po istorii cerkvej i veroispoveda nij v Altaj'skom krae (XVII – nachalo XX vv.)* [Documents on the History of Churches and Faiths in the Altai Region (XVII – early XX centuries)]. Barnaul: Upravlenie arhivnogo dela administracii Altaj'skogo kraja Publ., 1997, pp. 281–286 (in Russian).
10. *Zapiski missionera Kuzneckogo otdeleniya Altaj'skoj duhovnoj missii svjashhennika Vasiliya Verbickogo* [Notes of the Missionary of the Kuznetsk Branch of the Altai Spiritual Mission Priest Vasily Verbitsky]. Novosibirsk: Sretenie Publ., 2008, 372 p. (in Russian).
11. Zberovskaya E.L. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University]. Krasnoyarsk, 2013, no. 12, pp. 280–285 (in Russian).
12. Zubkov K.I. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal]. Ekaterinburg, 2018, no. 4 (61), pp. 61–71 (in Russian).
13. Ivanov A.V. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education]. Gorno-Altajsk, 2009, no. 3 (15), pp. 102–108 (in Russian).
14. Ivanova L.M. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. Tomsk, 2016, no. 410, pp. 72–76 (in Russian).
15. Lipinskaya V.A. *Starozhily i pereselentsy: Russkie na Altae. XVIII – nachalo XX veka* [Old-timers and Settlers: Russians in the Altai. The 18th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1996, 269 p. (in Russian).
16. Mizis Iu.A., Kashchenko S.G. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. St. Petersburg, 2011, no. 1, pp. 9–16 (in Russian).

17. Nasonov A.A. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue]. Ekaterinburg, 2016, no. 12 (60), pp. 278–289 (in Russian).
18. Panarina D.S. *Istoriya i sovremennost'* [History & Modernity]. Moscow, 2015, no. 1, pp. 15–41 (in Russian).
19. Poberezhnikov I.V. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal]. Ekaterinburg, 2018, no. 4 (61), pp. 72–80 (in Russian).
20. Rezun D.Ya., Shilovskii M.V. *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the late 16th – early 20th centuries: Frontier in the Context of Ethnosocial and Ethnocultural Processes]. Novosibirsk: Sova Publ., 2005, 196 p. (in Russian).
21. Ryabtseva V.A. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. Kemerovo, 2013, no. 24, pp. 63–70 (in Russian).
22. Soboleva T.N., Bobrov D.S. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, politologiya* [Izvestiya of Altai State University. Historical and Political Sciences]. Barnaul, 2011, no. 4–1, pp. 189–193 (in Russian).
23. *Sankt-Peterburgskij filial arhiva Rossijskoj akademii nauk* [Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. Fund 148. Inventory 1. File 80 (in Russian).
24. Tadina N.A. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. Moscow, 2011, no. 6, pp. 127–140 (in Russian).
25. Khromykh A.S. *Sibirskii frontir. Vstrecha tsivilizatsii ot Urala do Eniseya (posledniaya tret' XVI – pervaya chetvert' XVII veka)* [Siberian Frontier. The Meeting of Civilizations from the Urals to the Yenisei (the last third of the 16th – the first quarter of the 17th centuries)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University Publ., 2012, 312 p. (in Russian).
26. Tsyrempilov N.V. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies]. St. Petersburg, 2010, no. 4, pp. 9–18 (in Russian).
27. Sherstova L.I. *Mirovozzrenie naseleniya Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoy retrospective* [Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospective]. Barnaul, 2013, no. 6, pp. 243–250 (in Russian).
28. Yakushenkov S.N. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. Astrakhan, 2018, no. 3 (56), pp. 125–133 (in Russian).
29. Baeva L.V. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Krasnoyarsk, 2015, vol. 8, iss. 5, pp. 994–1002 (in English).
30. Znamenski A. *Etudes mongoles et siberiennes, centrasiatiques et tibetaines* [Mongolian and Siberian, Central Asian and Tibetan studies]. 2014, no. 45, available at: <https://journals.openedition.org/emscat/2444> (accessed on November 20, 2019) (in English).

Submitted for publication: November 30, 2019.

Accepted for publication: January 20, 2020.

Published: June 30, 2020.